

St. Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St. Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

Г 81 (03)

Альманах "Петербургское Востоковедение"
выпуск второй

научное издание

Альманах издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год.
Материалы публикуются в предоставленном авторами виде и подвергаются
исключительно техническому редактированию.

И.Алимов - главный редактор
С.Сухачев - ответственный редактор
О.Трофимова - технический редактор
Д.Ильин - выпускающий редактор

М.Родионов - соредактор по этнографии
S.West - соредактор по литературе (США)
R.Ames - соредактор по философии (США)

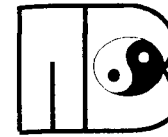
Набор выполнен Н.Гуровой

Настоящий выпуск выходит в свет при содействии
издательско-коммерческой фирмы "Водолей".

© Центр "Петербургское Востоковедение", 1992

All rights reserved

ISBN 5-87852-009-5

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение" - независимая некоммерческая организация, образованная в феврале 1992 года. Центр создан для поддержания и развития российской востоковедной науки с акцентом на ее петербургскую школу. Главной задачей Центра является книгоиздание по востоковедной тематике. Постоянное издание Центра - международный альманах "Петербургское Востоковедение", выходящий несколько раз в год. Центр готов к сотрудничеству в различных областях науки и культуры.

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб.,3
Тел.: (7-812) 218 43 77, факс.: (7-812) 218 08 11

St.Petersburg Centre for Oriental Studies is an independent non-profit organization formed in February, 1992. The Centre was created to support and develop the Russian oriental studies with an accent on the Petersburg school. The main goal of the Centre is publishing activities on the orientanism. The International St.-Petersburg Journal of Oriental Studies issued at least two times a year is the regular edition of the Centre. St.-Petersburg Centre for Oriental Studies is ready to cooperate in any spheres of science and culture. For further information please contact us.

Address: 3 Universitetskaya nab., St.Petersburg, Russia, 199034
Tel.: (7-812) 218 43 77, fax : (7-812) 218 08 11

Светлой памяти

Ольги Лазаревны Фишман

Ольга Лазаревна Фишман

Исследователь, переводчик, педагог (1919-1986)

Л.Н.Меньшиков

**Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)**

Ольга Лазаревна Фишман многие годы была для ленинградских китаеведов образцом трудолюбия, исследовательских устремлений и доброжелательства. Крупный советский китаевед, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, она была человеком яркого таланта, огромной трудоспособности и эрудиции, большого общественного темперамента, искренним и неравнодушным.

О.Л.Фишман родилась в Одессе 19 июня 1919 г. Она считала себя одесситкой (в семье у нее живы были одесские традиции), но одесской жительницей она не стала: в 1924 г. ее семья переехала в Ленинград, и с городом на Неве связана вся ее сознательная жизнь. Неоспоримо важную роль в ее формировании сыграл ее отец, Л.И.Фишман, известный в Ленинграде юрист, любитель и знаток книги и литературы, прежде всего русской. В 1937 г. она поступила на Восточный факультет Ленинградского Университета, где обучалась на кафедре китайской филологии, возглавлявшейся академиком В.М.Алексеевым. Курс обучения она завершила досрочно, за четыре года вместо полагавшихся пяти, и в 1941 г., перед самым началом Отечественной войны, получила диплом об окончании университета. Вскоре началась война, и она уже ассистентом кафедры выехала вместе с университетом в эвакуацию в Саратов в самом начале 1942 г. Активная общественница, она в трудные годы проявила себя способным организатором и в 1942 г. вступила в Коммунистическую партию. За это время, когда всем справедливо представлялась главным делом помощь фронту, Ольга

Лазаревна находит возможность и для научной работы. Тогда ее впервые увлекла тема культурных взаимоотношений Китая и Европы и особенно восприятия Китая в Европе. С этой проблемой, подсказанной В.М.Алексеевым, была связана ее кандидатская диссертация "Ли Бо в европейской науке", выполненная под его руководством. Во время эвакуации, когда В.М.Алексеев находился в Боровом, в Казахстане (ныне Кокчетавская область), одном из мест пребывания учреждений Академии Наук в военное время, консультации проводились по постоянной непрерывавшейся переписке.

После возвращения из эвакуации О.Л.Фишман стала постоянным помощником В.М.Алексеева и близким другом его семьи. Войной и блокадой были унесены многие ученики В.М.Алексеева: К.К.Флуг, К.А.Разумовский, В.Н.Казин, Ю.В.Бунаков, Л.Н.Рудов. Другие исчезли ранее, в 30-е годы, став жертвами сталинских репрессий: Ю.К.Щуцкий, Б.А.Васильев, Н.А.Невский, А.А.Штукин, П.Е.Скачков. Ни известный экономист В.М.Штейн, ставший учеником академика в области китайской философии, ни О.Л.Фишман, не могли, конечно, в полной мере заполнить образовавшийся вакуум, но их появление в окружении В.М.Алексеева, несомненно, поддержало его в последнее десятилетие его жизни.

В 1946 г. состоялась защита кандидатской диссертации О.Л.Фишман. Оппонентами были Г.Ф.Смыкалов и Л.З.Эйдлин, была по тогдашним обычаям сочинена эпиграмма, намекавшая на старческую неторопливость первого и любовь к фигурным выражениям второго: "Один был слишком медлен, другой был слишком Эйдлин", - и Ольга Лазаревна стала старшим преподавателем кафедры китайской филологии, ее секретарем и наиболее активным помощником ее главы. В.М.Алексеев был человеком нестандартным и поэтому нередко вступал в противоречие с указаниями университетской администрации. Выйдя из себя, он часто обращался к тогдашнему декану Восточного факультета В.М.Штейну с просьбой "пойти к ректору и объяснить ему, что он в китаеведении ничего не понимает".

В.М.Штейн выполнял это поручение, облачив его в самую дипломатическую форму. Но если под рукой оказывалась Ольга Лазаревна, она в точности повторяла сказанное академиком, после чего декану приходилось сглаживать образовавшиеся острые углы, и он даже просил ее в таких случаях сначала послушать его совета.

В Университете на китайской кафедре полностью развернулся педагогический талант Ольги Лазаревны. Среди учившихся у нее, кроме автора этих строк, были такие известные ученые, как покойный В.В.Петров, Е.А.Серебряков, С.Е.Яхонтов, Р.Ф.Итс. Стремительно войдя в аудиторию, она в первые же мгновения завладевала вниманием слушателей, и это внимание от лекции к лекции не ослабевало. В ее обязанности входил, кроме общей для всех преподавателей обязанности чтения со студентами китайских текстов, спецкурс "Словари, справочники, библиография", параллельный "Введению в китайскую филологию", читавшемуся самим главой кафедры. В.М.Алексеев полагал, что главным в преподавании в университете должно быть прививание студентам навыков научной работы. В своем теоретическом "Введении" он давал общие установки для Китаеведческой работы, рассказывал об организации труда Китаеведа, роли китайского текста и иностранных языков в работе синолога, раскрывал способы прочтения и усвоения произведений китайской литературы в ее наиболее сложных вариантах, делясь во всех случаях своим многолетним опытом ученого. Одним из важнейших методов в обучении он считал свободное владение справочными пособиями, точное знание, какие сведения можно извлечь из них. Много лет свои критические оценки справочников В.М.Алексеев фиксировал в своде, который назвал "Рабочей библиографией Китаиста". Практический курс который вела О.Л.Фишман, как раз и основывался на рекомендациях В.М.Алексеева в его библиографии, которой Ольга Лазаревна была тогда чуть ли не единственным читателем (эта работа не издана по сей день). В параллельных курсах В.М.Алексеев и его ученица составляли блистательный дуэт, где первую скрипку играл, конечно, сам академик, но где отпечатались также незаурядная личность О.Л.Фишман.

Одновременно Ольга Лазаревна была взята на полставки в Институт востоковедения АН СССР в качестве одного из авторов-расписчиков картотеки Большого китайско-русского словаря, грандиозного Китаеведческого предприятия, начатого еще в середине 30-х годов по инициативе и под руководством В.М.Алексеева, стоявшего во главе Китайского кабинета института. Словарь не был окончен, но его обширные картотеки были в полной мере использованы при составлении "Китайско-русского словаря" под ред. проф. И.М.Ошанина (1952, переиздания в 1955 и 1959 гг.) и "Большого китайско-русского словаря" в четырех томах под той же редакцией (1983-1984).

Педагогическая деятельность О.Л.Фишман продолжалась недолго. В 1949 г., незадолго до конца первого семестра, она не пришла на занятия. Встретив ее в коридоре факультета, мы спросили, когда будет следующее занятие, и получили ответ: "Никогда. Я уволена". Наше недоумение было парировано ее словами: "У меня арестован муж". По тем временам мало кто сомневался, что это - вполне достаточное основание не только для увольнения из высшего учебного заведения и отстранения от преподавания.

Конец сороковых годов был временем борьбы против "космополитизма, объективизма, академизма". Академизмом тогда называли приверженность к строгим филологическим методам исследования, сочетаемую со склонностью к изучению прошедших периодов в истории человеческого общества. Объективизмом нарекли научные выводы, в которых ученый старался следовать тому, что говорили ему факты, отказываясь от утверждений, которые из известных ему фактов не проистекали. Но наиболее универсальным было обвинение в космополитизме, что звучало как отсутствие патриотизма, преклонение перед Западом и т.п. При этом под огонь попадали - хотя и не исключительно, но в большинстве - ученые с нерусскими фамилиями, чаще всего евреи (представители "некоренных национальностей"). В Ленинградском университете происходили шумные дискуссии с обсуждением и беспощадным осуждением трудов корифея дореволюционной

филологической науки А.Н.Веселовского (статую его тогда убрали из университетского коридора) с перенесением критического огня на учеников его В.М.Жирмунского, Г.А.Гуковского и других. На Восточном факультете был снят с поста декана и арестован В.М.Штейн. Его место занял Г.В.Ефимов, возглавивший на факультете кампанию против всех перечисленных смертных грехов и их носителей. Восточная специфика этой борьбы заключалась в том, что востоковеды обвинялись в панисламизме, панарабизме, паниранизме и прочих "пан-измах". Многие преподаватели были изгнаны с факультета. Были закрыты почти все отделения, на которых изучался Древний Восток и мертвые языки, кафедры маньчжуристики, гебраистики перестали существовать, другие кафедры были резко ограничены в преподавании древних языков, древней и средневековой истории. Академиков И.Ю.Крачковского, В.М.Алексеева критиковали на собраниях и в стенной печати, закрывали их курсы, как "безыдейные" (еще одно ходовое словечко того времени), проповедующие феодальную идеологию - не было таких эпитетов, которые не были бы применены к представителям науки классического типа. Мне помнится, как на заседании кафедры китайской филологии пришел декан Г.В.Ефимов и с пафосом говорил о "лавочке", которую развел на кафедре академик В.М.Алексеев. На студенческих собраниях декан объявлял: "Хватит вам заниматься лунь-юями" ("Лунь юй" - собрание бесед Конфуция и его учеников) или сообщал о вреде, который нанес факультету "космополит Штейн".

В этой обстановке на О.Л.Фишман обрушивался двойной удар: она была в добрых отношениях не только с В.М.Алексеевым, но и с В.М.Штейном, и с В.М.Жирмунским, и со многими другими представителями отвергаемой академической науки. Ее муж А.Г.Левинтон, крупный германист, был одним из лучших учеников В.М.Жирмунского. После арестов ее мужа и декана ей было предъявлено обвинение, что она не перевоспитала ни того, ни другого. Встал вопрос о ее пребывании в партии. Не спасло и то, что "по поручению партийной организации" (предупредив В.М.Алексеева о невозможности для нее в ее положении отказаться

от этого поручения) она прочла на собрании факультета доклад об ошибках академика; не помогло и то, что она (едва ли не первая в советском Китаеведении) опубликовала серию статей о новейшей китайской литературе 30-40-х гг., хотя другим это ставилось в особую заслугу: ходячим было утверждение, что старые китаеведы (и прежде всего акад.В.М.Алексеев и его школа) новым Китаем не интересовались, современную китайскую литературу не считали достойной изучения - это несмотря на то, что сам глава школы еще в начале 20-х годов в журнале "Восток" не раз обращался к новейшим течениям китайской литературы, а его ученики: Б.А.Васильев, В.В.Петров, Л.З.Эйдлин, О.Л.Фишман занимались этой литературой специально, посвящая ей статьи и монографии. Все это во внимание принято не было, и О.Л.Фишман была исключена из партии и изгнана из Университета, равно как и из Института востоковедения.

Несколько лет она добывала хлеб себе и своему малолетнему сыну (будущему известному фольклористу Г.А.Левинтону) подстрочниками для поэтов, переводивших китайскую поэзию, классическую и новую. Среди пользовавшихся ее подстрочниками были А.И.Гитович, В.С.Шефнер, С.В.Ботвинник и другие. Другим источником существования были переводы технической документации с китайского и на китайский. Так, я помогал ей в оформлении и переписке китайского текста паспортов железнодорожных вагонов завода им.Егорова, предназначенных для Китая. Иногда ей удавалось напечатать отдельные статьи и рецензии.

Несмотря на столь трудные обстоятельства, Ольга Лазаревна не оставляла научной работы: ее оставили без зарплаты, но не смогли запретить заниматься наукой. В 1955 г. ей удалось напечатать (в академической серии "Литературные памятники") сборник "Танские новеллы", в котором впервые на русском языке была дана систематическая подборка китайской классической новеллы IX-X вв., снабженная исследованием и комментарием. Наряду с этим в различных сборниках печатаются ее переводы китайских авторов XX века: У Цзу-сяна, Чжао Шу-ли, Сяо Пина,

Тянь Ханя, Цао Юя и др. Но главный ее труд в этом направлении - перевод и исследование рассказов Лу Синя (сборник которых также предназначался для "Литературных памятников") - в свет не вышел, остался в корректурах. Кто-то вовремя проявил бдительность. Тем не менее, некоторые из ее переводов Лу Синя вошли как в четырехтомное собрание сочинений Лу Синя на русском языке (1954), так и в более поздние сборники рассказов писателя.

Но баснословные времена прошли, наступила "хрущевская оттепель". Вернулись из мест заключения В.М.Штейн и А.Г.Левинтон, появились некоторые китаеведы, исчезнувшие в 30-40-е гг. (В.А.Вельгус, П.Е.Скачков, А.Г.Шпринцин, А.А.Штукин). Другим, не возвратившимся - Ю.К.Щуцкому, Б.А.Васильеву, Н.А.Невскому - было возвращено доброе имя, их труды были изданы - в той мере, в какой их удалось сохранить. Не состоялась попытка Г.В.Ефимова лишить О.Л.Фишман кандидатской степени: в университетских архивах не оказалось текста диссертации, а пока ее разыскивали, настали другие времена. Ольга Лазаревна была восстановлена в партии. Однако к педагогической работе в Университете ей вернуться не удалось. Лица, активно содействовавшие ее удалению с факультета, были по-прежнему в большой силе.

Тем временем происходили важные перемены в Институте востоковедения АН СССР. После критических кампаний конца 40-х - начала 50-х годов Институт востоковедения был переведен в Москву, в Ленинграде же остался лишь сектор восточных рукописей, правда, при нем остались и крупные ученые - В.М.Алексеев, И.Ю.Крачковский, А.П.Баранников, В.В.Струве. После XX съезда КПСС, на котором А.И.Микояном был поднят вопрос о развитии востоковедения - науки, изучающей пробудившиеся и освободившиеся от колониального гнета страны и народы ("а Институт востоковедения спит!"), востоковедческая наука получила новый импульс (и большое количество штатных единиц). Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР во главе с академиком И.А.Орбели. Новый заведующий начал весьма

деятельно собирать в отделении востоковедов, как молодых, кончавших Восточный факультет, так и более старших, по тем или иным причинам не работавших в востоковедении. Среди других в 1958 г. в Ленинградское отделение была принята О.Л.Фишман. С этого времени начинается новый, самый плодотворный период ее научной деятельности. Включилась она и в общественную жизнь Отделения, была секретарем партийной организации, председателем месткома, главой литературоведческого объединения - это последнее сыграло немалую роль в подготовке молодых литературоведов-востоковедов. Она вместе с Е.А.Серебряковым и Б.Б.Вахтиным организует конференцию "Жанры и стили литератур Дальнего Востока" (вскоре конференция стала всесоюзной, руководство ею перешло к Л.З.Эйдлину, и конференции было дано новое название: "Теоретические проблемы литератур Дальнего Востока", что, может быть, и звучало более солидно, но зато менее выразительно). Членом оргкомитета конференции Ольга Лазаревна оставалась до конца своих дней, и ее активный характер много способствовал успеху ее сессий.

С 1958 г. начинают одна за другой выходить в свет работы О.Л.Фишман, принесшие ей известность не только в СССР, но и за рубежом. Часть этих работ была ею выполнена в прежний тяжелый период ее жизни. Первой вышла небольшая брошюра "Ли Бо. Жизнь и творчество" (1958), потом появились популярные очерки шедевров китайской классической литературы и серия блестящих кратких характеристик китайских великих поэтов, включенные в книгу для школы "Страна Хань" (1958). Ранее, еще в 1956 г. была напечатана статья "Изречения Ли Шань-иня", впервые введшая в науку афоризмы известного поэта Ли Шань-иня (IX в.). Большим успехом нужно считать появление в "Литературных памятниках" перевода романа Ли Жу-чжэня (1763?-1830?) "Цветы в зеркале" (1959). Этот один из сложнейших по структуре и содержанию романов китайской литературы переводился коллективом авторов (В.А.Вельгус, Г.О.Монзлер, И.Э.Циперович, О.Л.Фишман) под редакцией проф.В.С.Колоколова. Весьма затейливая ткань романа казалась часто совершенно непере译имой. Ольге Лазаревне

достались главы наиболее головоломные. В части из них описывались литературные поэтические игры героев романа, причем по сравнению с ними наши буримы и акrostихи кажутся детскими игрушками. Переводчица находила неожиданные и впечатляющие приемы передачи этих сложностей на русском языке. На основании переводческих достижений О.Л.Фишман была принята в Союз писателей по секции переводчиков, причем при обсуждении сделанного О.Л.Фишман доклада тогдашний глава секции переводчиков Е.Г.Эткинд особо отмечал виртуозность переводов, звучащих, по его выражению, "странно и удивительно". Став в 1960 году членом Союза писателей, Ольга Лазаревна и там вела активную организационную деятельность, неоднократно избиралась в правление секции Ленинградского отделения Союза.

В "Цветях в зеркале" Ольге Лазаревне была также поручена литературоведческая исследовательская часть. В обширном послесловии (как это принято в "Литературных памятниках") автор увлекательно и оригинально сумела представить и эпоху, и жизнь сочинителя, и самую ткань произведения. Эта статья выглядит и сегодня одной из лучших в научном творчестве О.Л.Фишман. Не считая себя способной к поэтическому переводу, Ольга Лазаревна продолжала выполнять подстрочники для крупнейшего среди профессиональных поэтов переводчика китайской поэзии А.И.Гитовича, отдавшего переводам десять лет своей творческой жизни. О.Л.Фишман связывала с семьей Гитовича тесная дружба, и после смерти поэта в 1966 г. она приложила немало усилий для подготовки к печати нескольких посмертных сборников его стихов.

В своих последующих трудах Ольга Лазаревна стала ориентироваться на то направление востоковедения, которое возглавил академик Н.И.Конрад. Еще в начале своего научного пути она проявила интерес к связям Востока и Запада, была склонна к восточно-западным параллелям. Теория Н.И.Конрада о параллельном развитии Запада и Востока, в котором Восток проходил те же этапы, что и Запад (античность, средневековье, Возрождение, Просвещение) показалась Ольге Лазаревне весьма привлекательной. Ее книга "Китайский сатирический роман эпохи

Просвещения" (1965), ставшая в 1966 г. ее докторской диссертацией (на защите которой выступали оппонентами сам Н.И.Конрад, а также крупнейшие знатоки китайской литературы Л.З.Эйдлин и Л.Д.Позднеева), - явилась наиболее замстой данью в русле исследований, намеченных Николаем Иосифовичем. Книга была посвящена, в первую очередь, сатирическому роману У Цзин-цзы (1701-1754) "Неофициальная история конфуцианцев". "Обосновавшись" в XVIII веке, Ольга Лазаревна сочла необходимым продолжить исследования литературы этого времени, выбрав для своих дальнейших изысканий трех мастеров китайской короткой новеллы Цзи Юня (1724-1805), Юань Мэя (1716-1797) и Пу Сун-лина (1640-1715).

Исследования этих трех авторов вернули О.Л.Фишман к темам, намеченным и частично выполненным первым учителем ее - акад.В.М.Алексеевым. Дело в том, что Пу Сун-лин (известный больше под псевдонимом Ляо Чжай), его жизнь и творчество, были объектом многолетнего внимания Василия Михайловича. Кроме серии статей, посвященных этому знаменитому в Китае автору, В.М.Алексеев опубликовал четыре сборника переводов его новелл: "Лисьи чары" (1922), "Монахи-волшебники" (1923), "Странные истории" (1928) и "Рассказы о людях необычайных" (1937). Совершенство этих переводов таково, что все попытки повторить или дополнить русское собрание новелл Пу Сун-лина кончались неудачей: рядом с переводами В.М.Алексеева все другие выглядели бледно и невыразительно.

Ольга Лазаревна не ставила своей задачей повторить сделанное В.М.Алексеевым или превзойти его. Но она избрала предметом своего исследования двух современников Пу Сун-лина, причем, по примеру учителя, она выполнила переводы наиболее представительных в истории китайской новеллы произведений обоих авторов и снабдила эти переводы обширными исследовательскими статьями, впервые в европейской филологии столь подробно повествующими о жизни и творчестве этих писателей. Первым вышел в свет сборник Цзи Юня "Заметки из хижины Великое в Малом" (1974). В научном оформлении перевода

книги Цзи Юнь О.Л.Фишман проявила новаторство: она снабдила сборник указателем сюжетов с расчетом на последующее включение сюжетов китайских новелл в сводный указатель сюжетов мировой литературы и фольклора. Такая операция с китайскими сюжетами была проведена впервые. Книга сразу была замечена; и в 1976 г. по представлению французского академика П.Демьевиля удостоена премии Станислава Жюльена Академии надписей и изящной словесности при Французском Институте (как именуется официально Французская Академия Наук). Эта весьма почетная премия была основана более 120 лет тому назад крупнейшим тогда французским синологом С.Жюльеном и с тех пор ежегодно присуждается за лучшие труды в области китайской филологии. Впервые Ленинградскому отделению Института востоковедения она была присуждена в 1964 г. за серию публикаций китайских материалов из Дуньхуана (IV-XI вв.); О.Л.Фишман оказалась вторым у нас ее лауреатом. Сборник Юань Мэя "Новые записи Ци Се или "О чем не говорил Конфуций" вышел в свет в 1977 г. Книга была построена по тому же образцу, что и книга о Цзи Юне, и также была снабжена указателем сюжетов.

После окончания исследований о Цзи Юне и Юань Мэе О.Л.Фишман обратилась, наконец, к третьему новеллисту, труды о котором акад.В.М.Алексеева послужили отправной точкой ее работ по китайской новелле XVIII в., - к Пу Сун-лину. Теперь у нее было что сказать и о Пу Сун-лине сверх сказанного В.М.Алексеевым, ибо он не проводил сравнения творчества новелл трех авторов. Результатом была итоговая книга "Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв.: Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй" (1980). Это была последняя монография, опубликованная ею при жизни. Один за другим О.Л.Фишман постигли два тяжелых удара: смерть отца и смерть мужа. Она стала часто болеть, проявляла уже меньшую общественную активность и все силы стала отдавать научной работе, насколько позволяло ей здоровье. За одним, впрочем, исключением. В начале 60-х годов в Ленинградском отделении происходили бурные дискуссии, в которых О.Л.Фишман играла весьма заметную роль. Если сказать кратко, суть дискуссии

состояла в том, сумеем ли мы силами ленинградских востоковедов написать историю культур народов Востока? Были скептики - в их числе автор этих строк - и оптимисты, одним из которых была Ольга Лазаревна. В итоге всеобъемлющей истории культур Востока не получилось, но на этом пути были весьма ощутимые результаты. Выразились они в создании серии "Культуры народов Востока. Материалы и исследования". Ольга Лазаревна с самого начала стала ответственным секретарем серии (возглавляется серия Ю.А.Петросяном). Здесь еще раз проявились и ее организаторский талант и ее энтузиазм, научный и общественный. Только в последние два-три года ее жизни она отказалась от этой должности, оставшись членом редколлегии.

Научная работа, которую упорно, несмотря на болезни, продолжала Ольга Лазаревна, была посвящена той теме, с которой она когда-то начинала свою научную жизнь: Китай и Европа. Она задумала большую двухчастную монографию под этим названием, причем одна из частей должна была называться "Китай в Европе", а вторая - "Европа в Китае". Материал был собран, книга вчерне написана и обсуждена на секторе. Все выступавшие отмечали уникальность написанного, важность труда для изучения проблемы Восток-Запад и многие несомненные достоинства новой книги. Были и замечания, часто требующие дополнительного привлечения ряда материалов. Автор хотела замечания учесть, но не успела сделать это в полной мере и не успела "причесать" книгу, как это требуется для издания.

Ольга Лазаревна была весьма сердечным человеком в отношениях с окружающими - все равно старшего, среднего или младшего поколения. Она никогда не жалела своих сил, если знала, что сделанное будет на пользу другим. Она активно участвовала в подготовке к печати сочинений В.М.Алексеева, стала одним из основных организаторов и подготовителей избранных трудов Н.И.Конрада (в нескольких томах), она же приводила в порядок бумаги безвременного скончавшегося Б.Б.Вахтина, много сделала для издания поэтического наследия А.И.Гитовича. Мимо ее внимания не проходила ни одна работа дальневосточников, она для всех

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

находила и одобряющие слова, и слова благожелательной критики. Хотелось бы, чтобы представители молодого поколения, которым она уделяла столько внимания при жизни, нашли время для приведения ею написанного в такой вид, чтобы издательство приняло книгу в печать.